

ВЕРА КРЫЖАНОВСКАЯ

Эликсир жизни
Книга первая

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Первая книга пенталогии Веры Крыжановской.

Крыжановская В.

К85 Эликсир жизни / В. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 402 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77628-3

Знаменитая пенталогия Веры Крыжановской (1857–1924) включает в себя романы «Эликсир жизни», «Маги», «Гнев божий», «Смерть планеты», «Законодатели» и переносит читателя в фантастическое будущее, в котором размыты представления о жизни, смерти, времени.

В книге «Эликсир жизни» читатель знакомится с молодым доктором Ральфом Морганом, который становится членом братства «Круглого стола вечности» и узнаёт секрет бессмертия. Но так ли прекрасен мир, открывающий двери герою и его друзьям?

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77628-3

© RUGRAM, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В одном из удаленных от центра кварталов Лондона стоял старый, но прочный еще дом, к которому прилегал обширный сад. В третьем этаже дома, относившегося ко временам Кромвеля и сохранившего суровый и пуританский вид той эпохи, квартиру занимал доктор Ральф Морган, как гласила медная дощечка, прибитая к почерневшей дубовой двери.

Эта квартира состояла из передней, столовой, кабинета и спальни. Все комнаты были очень просто, но уютно обставлены и имели то неоценимое для жильца преимущество, что окна их выходили в сад. Доктор любил тишину и зелень, предпочитая дальнюю ходьбу, хотя бы даже в дурную погоду, жизни в шумном центре, с его треском, суетней и тоскливым видом на крыши и на сотни труб.

Была чудная августовская ночь, такая тихая и теплая, что в рабочем кабинете доктора было открыто окно. За большим письменным столом сидел сам хозяин квартиры и читал у лампы с зеленым абажуром большую книгу в изношенном переплете.

Доктор Морган был молодой человек лет тридцати. Он мог бы считаться даже красавцем, если бы страшная худоба и болезненная бледность не обезобразили его. Он был высок и хорошо сложен; густые, золотисто-каштановые волосы и коротенькая борода, чуть темнее, обрамляли его тонкое с классически правильными чертами лицо; большие глаза, строгие и задумчивые, были неопределенного цвета: в минуты покоя серовато-голубые и темные при малейшем волнении. Вообще взгляд его отличался необыкновенною подвижностью и отражал всякое душевное движение.

Обстановка кабинета указывала, что Ральф был человек ученый и работающий. Обширная библиотека и множество полок были завалены книгами, журналами и связками брошюр не только по медицине, но и по всем остальным отраслям человеческого знания.

Доктор мог свободно зарываться в книги и предаваться своим занятиям, так как пациентов у него почти не было, средства же к жизни давало ему хорошо оплачиваемое место, которое он занимал при большой психиатрической больнице.

Ральф довольствовался своим положением, тем более, что его слабое здоровье побуждало его вести тихий и правильный образ жизни. Но если он имел мало занятий как доктор, то тем больше работал его пытливый ум: недаром же он ежедневно сталкивался с необъяснимой проблемой — безумием. Постоянное соприкосновение с этим неуловимым злом, которое не поддается до сих пор научному исследованию, но подтачивает здоровье человека, и побудило доктора искать разрешения этой тайны.

Но тщетно он перелистывал сочинения практической науки и перерывал труды мистиков и алхимиков. Ни работы учнейших психиатров, ни темные формулы Парацельса не дали ему ключа от тайны. Всюду, точно сквозь туман, он видел что-то неопределенное и чувствовал законы, которые должны были быть, но механизм которых тонул во тьме, и рассеять ее он был не в силах. Одно он считал доказанным, а именно, что существуют невидимый ток, астральное излучение, поддерживающие обмен веществ между всеми живыми существами, имеющие решительное и могущественное влияние на организмы. Но как действовали эти невидимые силы и какие законы управляли ими — оставалось тайной, и доктор с горечью убеждался, что даже считающие себя учеными специалистами по этим вопросам, и те, как слепые, беспомощно пока стоят перед этим самым тяжким недугом человечества — помрачением рассудка.

Безумие оставалось той неизвестной и неисследованною областью, которая неудержимо влекла к себе молодого врача, всю душою жаждавшего облегчить участь человечества.

Иногда, после бесплодных усилий над разрешением загадки, вечно ускользавшей у него из рук, им овладевал гнев против этих жестоких законов, окутанных тайной и скрывающих средства, которые несомненно должны существовать для облегчения болезней души.

Сколько уже людей науки посвятили всю свою жизнь изучению этих вопросов, а между тем в области душевных болезней сделано очень мало. Магнетизм и гипнотизм, конечно, помогали иногда, но, по-видимому, случайно.

И не раз Ральф спрашивал себя, почему жизнь человеческая является зачастую сплошной тяжелой агонией? Дра-

гоценное, оживляющее человека дуновение исчезает как будто бесследно, остальное же сгнивает в земле. Темна цель, для которой рождаются и умирают миллионы существ, которые борются, страдают, стремятся к неведомой цели и которых смерть, подобно урагану, сметает с лица земли как ненужную пыль.

Оттолкнув книгу о гипнотизме, которую читал, доктор встал, подошел к окну и в раздумье залюбовался усеянным звездами небом.

Как бриллиантовая ткань, расстилалось небо с его Млечным Путем, переходившим в сверкающий туман. Мир за миром, система за системой... Бесконечность полна мирадами гигантских миров, а между тем, по-видимому, не хватает места. Без сомнения, и там, как на земле, смерть косит человечество, которое, подобно полевой траве, зеленеет весной, а осенью увядает и превращается в прах после того, как выполнит свое назначение. Возможно ли, чтобы то же было и с человеческой душой — сознательной и могучей психической искрой? Неужели она так ничтожна, что, блеснув, как блуждающий огонек над зеленым болотом, тухнет навеки, без прошлого и будущего?

Случайно взглянул он на свою руку, державшую еще разрезной ножик слоновой кости, и вздрогнул. Скоро, может быть, эта самая рука будет покоиться, окоченевшая, на его уже бездыханной груди...

— Берегите себя, мой юный друг, — сказал ему старый профессор, его бывший учитель, когда выслушал его несколько недель тому назад. — Ваше сердце нездорово, а легкие повреждены. Вам необходим полный физический и умственный отдых, иначе...

Ральф тяжело вздохнул, отлично понимая, что значило это «иначе». В качестве доктора он сознавал, что сулят острые боли в груди, беспорядочное сердцебиение, захватывавшее дыхание, слабость и сухой кашель, вызывавший на губах капельки крови.

Он захлопнул окно, сел снова в кресло и закрыл глаза. Им овладел внезапный страх смерти.

Профессору легко было сказать: «Берегите себя! Отдыхайте умственно!» Подобный отдых можно было предписывать только тем, кто не думает и поглощен житейской суетой; но для того, чья мысль работает, чей ум ищет истину, беспрестанно наталкиваясь на сомнение и предположения, подобный отдых невозможен.

И что такое эта смерть, ледяное и уничтожающее дыхание которой стережет человека на каждом шагу, которая отнимает у него любимых существ, привычную обстановку приобретенные знания и ввергает его в неведомое небытие? Живые почитают память покойного статуей или молитвами, а он-то сам, знает ли об этом? Чувствует ли он, страдает ли и продолжает ли любить остающихся в живых? Много странных фактов говорят о «потустороннем» существовании, но ничто не доказывает его научным путем. Явления не вызываются произвольно неизвестными законами, такими же темными, как и мир, которым они управляют.

Ральф вытер влажный лоб, а затем прижал руку к болезненно бьющемуся сердцу. Сколько раз он мучительно боролся с ужасным сомнением: *«быть или не быть?»*

Не раз он спрашивал себя: почему те, кто раньше ушел из мира, не являются просвещать тех, кого любят, если это возможно?

Несколько лет тому назад он потерял свою мать, которую боготворил. Она тоже жила и дышала только им; а между тем она осталась глуха к его отчаянному призыву и ничем не доказала, пережила ли она смерть и любит ли его по-прежнему.

Острая боль в груди и приступ удушливого кашля дали ему болезненно почувствовать, насколько он и сам близок к страшной тайне, именуемой *смертью*.

Тоска и страх перед приближающимся небытием еще сильнее сдавили его сердце. Неужели же нет никакого средства продолжить жизнь и остановить разрушение тела? Вдруг вспомнилось ему, что он читал в одной книге об оккультизме, что существует жизненный эликсир, тайна которого утеряна, но алхимики тщетно искали ее во внутренностях или крови девушек, детей и животных, в растениях и в атмосфере. А между тем магические книги говорят об этом эликсире как о несомненном факте...

О! Если бы можно было найти его; а он несомненно существует, такой жизненный флюид, такая могучая сила, которая работает в органических телах и во всяком живом существе. Это неуловимое дыхание жизни должно быть всюду, как в первичных, так и в самых сложных организмах.

Сильный и резкий звонок оборвал бурные думы доктора. Он выпрямился и стал прислушиваться. Но, должно быть, старый Патрик, его единственный слуга, спал как убитый, так как в прихожей все было тихо.

Минуту спустя звонок повторился. И Ральф встал. Вероятно, кто-нибудь заболел по соседству и за ним прислали; такое хотя и редко, но все-таки бывало. Так как Патрик не

подавал признаков жизни, то молодой человек сам открыл дверь.

На лестнице стоял высокий мужчина, закутанный в темный плащ, с широкополой фетровой шляпой на голове. В руках он держал отделанную серебром шкатулку.

— Я имею честь говорить с доктором Морганом? — спросил незнакомец глубоким и звучным голосом.

— Да, это я, к вашим услугам.

— В таком случае, позвольте мне войти. Мне нужно поговорить с вами об очень важном деле, которое глубоко вас интересует.

Незнакомец сложил на стул плащ и шляпу и прошел за Ральфом в его кабинет. Оба сели, и настало довольно продолжительное молчание. Ральф с любопытством осматривал своего гостя.

Это был человек лет тридцати пяти или сорока; хотя он казался сильным и здоровым, но в эту минуту был очень бледен и, видимо, утомлен. Несмотря на это, ни одной морщины не было на его широком лбу, ни одного седого волоска не светилось в его густых и черных как вороново крыло волосах. Лицо его отличалось чистейшим греческим типом и могло бы служить моделью для статуи Фидия.

Незнакомец задумчивым взглядом смотрел на книги, загромождавшие рабочий стол, и затем поднял на Ральфа свои большие, черные и бархатистые глаза.

— Вы ищете эликсир жизни и хотели бы обладать им?

— Кто вы такой, что знаете мои мысли? — пробормотал тот, вскакивая с кресла.

Таинственный посетитель улыбнулся.

— Садитесь и не бойтесь ничего, — сказал он. — Я вовсе не дьявол, как вы, без сомнения, предполагаете, я такой же человек, как и вы. Между нами только та разница, что вы хотите жить, а я — умереть. Вы жили слишком мало, я — слишком много, и хочу вернуться в пространство. Я явился сюда предложить вам обмен.

Вы располагаете смертью, я — жизнью. Итак, дайте мне немного вашей крови, а я вам дам капли эликсира. Согласны ли вы?

Доктор уже с тревогой смотрел на незнакомца. Очевидно, перед ним находился больной по его специальности, но он не успел еще сообразить, что ему делать в данном случае, как вдруг его странный посетитель рассмеялся таким громким и открытым смехом, что доктор почувствовал себя сбитым с толку.

— Вы считаете меня сумасшедшим и обдумываете, как со мной поступить, чтобы избавиться от моего неудобного визита, — добродушно сказал незнакомец. — Успокойтесь, мой молодой друг. Я — в полном рассудке. Как вам ни кажется невероятным то, что я сказал, это непреложная истина. Я действительно обладаю эликсиром жизни. А теперь поговорим серьезно.

Уже давно ищу я человека, которому мог бы передать мое знание и тайну моей жизни, но все мои поиски были напрасны. Случай обратил мое внимание на вас. Я исследовал и изучил вашу жизнь, ваш характер, ваши стремления; я знаю ваши сомнения и ту жажду знаний, которая мучает вас. Из всего этого я заключил, что вы способнее всякого другого принять мое наследство. Отвечайте же откровенно: хотите вы вечно жить?

